

ИСТОРИЯ

П.В. Шлыков

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТЕСТОВ В ТУРЦИИ

В статье анализируется развитие гражданской активности и культуры социального протеста в Турции со времени основания республики и восстания Шейха Саида 1925 г. до массовых акций защитников парка Гези в 2013 г. В фокусе исследования – основные направления, формы и нормативные стратегии протеста в разные периоды новейшей истории Турции. На основе анализа массива данных о протестах в турецких периодических изданиях с 1920-х по 2010-е годы предлагается новая типология массовых выступлений и политических протестных акций в Турции и нормативные модели взаимодействия социального протеста и политической культуры.

Ключевые слова: Турция, социальный протест, гражданское общество, демократия.

The paper analyses the dynamics of civic activity and development of social protest culture in Turkey since the establishment of Republic in 1923. The study explores the main vectors, forms and normative strategies of social protest within different periods of Turkey's modern history. Basing on the analysis of publications in the Turkish press (from the late 1920s up to the 2010s) the author argues new typology of mass political actions and protest unrest in Turkey and paradigms of interference between social protest and political culture.

Key words: Turkey, social protest, civil society, democracy.

Для изучения механизмов социального протеста новейшая история Турции интересна по нескольким причинам. Во-первых, в Турции, несмотря на укрепившийся за ней эпитет «одной из самых вестернизированных стран Ближнего Востока», процессы модернизации и демократизации развивались по особой – незападной – модели, а характер отношений общества и государства/власти во многом был детерминирован наследием дореспубличанской эпохи. Во-вторых, одна из отличительных особенностей политического развития Турции – низкий уровень социальной и политической институционализации, поэтому для понимания природы и механизмов социального протеста фокус анализа должен быть смещен на уровень

коллективных акций вне традиционных для политического процесса на Западе общественных институтов и структур¹.

Развитие гражданской активности и культуры социального протеста в Турции можно разделить на несколько этапов. Начальный период приходится еще на дореспубличанское время – в 1870-е годы, когда принималась конституция Османской империи, возникли первые движения учащейся молодежи – именно их деятельность заложила основы турецкого гражданского общества. Второй период – время единоличного правления Народно-республиканской партии (НРП) (1923–1945). В эти годы появились специфические формы гражданских протестов, проходил естественный отбор наиболее эффективных методов гражданского воздействия на власть: от символических акций до вооруженных восстаний. Оформилось четыре основных направления социального протеста. Во-первых, это движения за смену общественного устройства, установление исламских порядков, отмену республики и т. д. Во-вторых, выступления в целом против кемалистских реформ, особенно затрагивающих повседневную жизнь народа (против введения европейской одежды, реформирования системы образования и т. д.). В-третьих, протесты, центральной темой которых был национальный вопрос (от проблемы меньшинств до агитации «Гражданин, говори по-турецки»). В-четвертых, выступления молодежи за право своего участия в политике, которые до конца 1950-х годов были довольно слабыми.

Начало следующего этапа (1945–1980) связано с ключевыми событиями новейшей истории Турции – провозглашением курса на установление многопартийной политической системы (1945) и первыми конкурентными выборами (1950), на которых победу одержала Демократическая партия Дж. Баяра и А. Мендереса. Развитие гражданской активности получило новый импульс, а формы политического участия и социальных протестов в условиях самой либеральной конституции 1961 г. стали более разнообразными по форме и содержанию. В эти годы формировались основные типы насильственных и ненасильственных протестов, в тех или иных формах сохранившиеся до 2000-х годов. Среди ненасильственных

¹ Источниковой базой исследования гражданской и политической активности выступили публикации крупнейших общенациональных газет: “Cumhuriyet” – социал-демократическая общенациональная газета, одна из старейших республиканских газет, основанная 7 мая 1924 г.; “Milliyet” – либерально-демократическая общенациональная газета, основанная 3 мая 1950 г. (с 1954 г., когда ее главным редактором стал Абди Ипекчи (1929–1979), считается одной из самых влиятельных турецких политических газет); “Akşam” – левоцентристская общенациональная газета, основанная 20 сентября 1918 г.; “Ulus” – националистическая газета, основана 20 сентября 1918 г. (в 1954 г. выпускалась под названием “Yeni Ulus” и “Halkçı”, в период с 1971 по 2008 г. – издавалась как “Barış”).

форм социального протеста 1950-х – 1970-х годов можно выделить шесть основных: создание добровольных протестных сообществ и организаций; организованные коллективные шествия; митинги и массовые демонстрации; коллективные петиции; показательные акции – расправа над памятниками и символами режима; бойкоты, сидячие забастовки и аналогичные коллективные акты протеста. Верхняя хронологическая граница третьего этапа – военный переворот 12 сентября 1980 г., сопровождавшийся закрытием всех политических партий и серьезными ограничениями гражданской активности (запрет ассоциаций, сужение рамок политической активности ученых и студентов и т. д.), принятие нелиберальной конституции 1982 г.

Период с конца 1980-х до середины 2000-х годов можно назвать переходным, для него была характерна ревизия прежних форм гражданской активности и поиск новых, которые проходили по главной линии разлома турецкого общества – конфликта сторонников лаицизма (светскости) и тех, кто поддерживал усиление роли ислама в общественной жизни. Институционализация гражданского общества в 1990-е гг., проходившая на фоне развития тесного сотрудничества между турецкими и европейскими общественными структурами – резко повысила значение неправительственных организаций, которые заняли место ассоциаций 1960-х и 1970-х годов, запрещенных после военного переворота 1980 г.

В 2000-е годы произошла перестройка в механизмах социального протеста, наиболее ярко проявившегося во время событий вокруг стамбульского парка Гези и площади Таксим летом 2013 г. Вместо традиционного для предшествующих двух десятилетий конфликта сторонников и противников исламизации, протест сконцентрировался на проблеме узости мажоритарной демократии, неприемлемости ее трактовки как «демократии избирательных урн». В центре социального протеста оказались вопросы допустимых границ вмешательства государства в общественную, культурную, экономическую и политическую жизнь граждан. Новыми оказались и механизмы мобилизации протеста – посредством социальных интернет-сервисов (*Facebook*, *Twitter*), и широкий диапазон политического спектра участников.

Основные направления социального протеста в период правления НРП (1923–1950)

Период однопартийного правления (1923–1950) дал примеры разнообразных форм социальных протестов как мирных по своему характеру, так и насильственных, сопровождавшихся столкновения-

ми с силами правопорядка, последующими репрессиями и ужесточением законодательства в сфере гражданских прав. Общая черта большинства массовых выступлений – их направленность против радикальных кемалистских реформ, за сохранение традиционных и привычных порядков общественного бытия.

Хрестоматийный пример протестов 1920-х годов – восстание шейха Саида, начавшееся в Эргани 13 февраля 1925 г. Саид и его многочисленные сторонники выступали за установление в Турции законов шариата. Восстание стремительно охватило юго-восточные районы страны, а силам правопорядка поначалу не удавалось ни локализовать, ни подавить народные выступления. В 21 провинции было введено чрезвычайное положение, президент Мустафа Кемаль потребовал отставки кабинета умеренного Фетхи-бея (Окьяра) и назначения премьером Исмета-паши (Инёню). Восстание с большим трудом удалось подавить в апреле 1925 г., его лидер и еще 46 человек были казнены. Несмотря на репрессии, выступления курдов (особенно в районе Агры) продолжались вплоть до осени 1930 г. Протестная активность религиозно-консервативной части общества не сошла на нет. В декабре 1930 г. в городке Менемен провинции Измир толпа сторонников шейха суфийского тариката Накшбандийя Гиритли Мехмеда собралась на центральной площади с призывами провозгласить шариат. Вновь с большим трудом и немалыми потерями выступление было подавлено, а участники получили суровое наказание (29 человек были казнены, 41 – осуждены на длительные сроки).

Вывод, который сделали кемалистские власти из восстаний, сводился к необходимости ужесточения режима. В 1927–1929 гг. были приняты специальные законы, по которым наиболее непокорные курдские племена принудительно переселялись в различные районы Центральной и Западной Анатолии². «Закон о поддержании спокойствия» (*Takrir-i Sükun Kanunu*, принят в марте 1925 г.) наделял правительство широчайшими полномочия в вопросах подавления любых проявлений оппозиции режиму³. Его действие на себе испытали все, кто попробовал выступить с критикой кемалистской политики. Так, в ноябре 1925 г. группа молодых людей в знак протеста против реформы одежды – так называемой шляпной революции, замены фесок и других османских головных уборов на европейские кепи – развесила плакаты на стенах домов города Сивас.

² См.: Жигульская Д.В. Восстание турецких курдов в Дерсиме (1937–1938 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Вып. 161. 2013. С. 20.

³ *Takrir-i Sükun Kanunu* (4 Mart 1341 Tarih Ve 578 Numaralı) // TBMM Zabıt Ceridesi, Cilt: 30, 19.

Вдохновитель безобидной, на первый взгляд, акции был приговорен к смертной казни, а его помощники – к длительным срокам тюремного заключения. Аналогичное наказание понесли организаторы и участники демонстраций против кемалистских реформ в Кайсери, Эрзруме, Ризе, Мараше, Гиресуне и других городах (везде высшая мера и тюремное заключение).

Однако в 1920-е и 1930-е годы массовые акции проходили не только с критикой правительства, но и в защиту кемалистских реформ. В 1929 г. турецкие газеты широко освещали демонстрацию молодежи из Национального союза турецких студентов под лозунгами-призывами «Используйте местные товары» (*Yerli Mali Kullan*)⁴. В 1930 г. Союз турецких женщин провел шествие в поддержку новых законов, уравнивающих политические права обоих полов.

В 1930-е годы конфликт по линии отношения к секуляризации и туркификации продолжил набирать обороты. В 1933 г. в г. Бурса прошел митинг против перевода призыва к мусульманской молитве – *эзана* – на турецкий язык, большинство участников которого были арестованы. Новый всплеск социального противостояния вызвало принятие в 1934 г. специального «Закона о переселении» (*İskan Kanunu*)⁵, который определял правила внутренней миграции, а фактически был направлен на насильственную ассимиляцию этноконфессиональных меньшинств через принудительное переселение из районов компактного проживания⁶. Наиболее острое сопротивление миграционной политике кемалисты встретили в населенных курдами центральных районах Восточной Анатолии – в частности, в Дерсиме, где с конца XIX в. произошло более 40 антиправительственных выступлений курдов⁷. К 1937 г. спорадические столкновения курдских племен с силами правопорядка вылились в полномасштабное восстание (наиболее ожесточенные стычки пришлось на март–октябрь 1937 г.). В первые месяцы восстания в Дерсиме правительственные войска понесли серьезные потери, сопротивление курдов удалось сломить только к осени 1937 г. Лидер восстания Саит Рыза и семь его ближайших соратников были пойманы и казнены, а в 1938 г. кемалистские власти начали массовые чистки. В ходе спецопераций многие села были полностью

уничтожены. По подсчетам турецкого историка Недждета Сарача, число жертв восстания и последующих репрессий в Дерсиме составило без малого 16 тыс. человек, еще около 9 тыс. было насильно переселено⁸. Особый режим для районов дерсимского восстания сохранялся вплоть до 1947 г. Жестокость подавления курдского сопротивления в 1930-е годы не имела аналогов в истории региона. Неслучайно в 2011 г. правительство Турции принесло официальные извинения за «дерсимскую резню», признав ошибочность курдской политики кемалистов⁹.

После подавления курдского движения роль главного субъекта социального протеста постепенно начала принимать на себя молодежь, политическая активность которой в 1940-е и 1950-е годы набирала обороты. Это было вызвано как давлением «сверху» – стремлением власти политизировать молодое поколение, так и «снизу» – настроениями внутри самого турецкого общества. В 1940-е годы правительство стало предпринимать попытки выработать механизмы управления студенческими организациями, чтобы поставить их на службу государственным интересам. Студенческий союз Стамбульского университета был превращен в полугосударственную структуру – его председателя ректор назначал из числа профессоров и доцентов, студенты могли избирать лишь членов исполнительного комитета¹⁰. Наиболее рельефно манипуляции молодежным движением проявились во время инцидента с левой газетой «Тан» в 1945 г. Издание, известное своей просоветской позицией в условиях обострения отношений между Москвой и Анкарой из-за денонсации Договора о ненападении и нейтралитете¹¹, вызвало крайнее раздражение правительства НРП, политику которого журналисты «Тан» резко критиковали. Известные публицисты Пеями Сафа и Хусейн Джахит Ялчын со страниц лояльных власти газет осуждали «Тан», обвиняя ее в предательстве национальных интересов, тем самым подогревая общественное мнение. Последней каплей стала статья Джахита Ялчына «Народ, поднимайся!» с призывом разобратся с одиозной газетой и заставить ее журналистов

⁸ *Saraç Necdet*. *Alevilerin Siyasal Tarihi 1300–1971*. İstanbul, 2011. S. 291.

⁹ Turkey apologises for 1930s killing of thousands of Kurds // *The Telegraph*. 24/11/2011.

¹⁰ *Kabacalı, Alpay*. *Türkiye’de Gençlik Hareketleri*. İstanbul, 2007. S. 91.

¹¹ В марте 1945 г., когда приблизилась дата очередного продления Договора о ненападении и нейтралитете 1925 г., Советский Союз объявил о его денонсации. При этом для подписания нового договора Турции был выдвинут ряд условий, включавших исправление границы между двумя странами, возвращение Советскому Союзу районов в северо-восточной Анатолии, которые принадлежали России в 1878–1918 гг., и организацию совместной советско-турецкой обороны зоны Черноморских Проливов.

⁴ *Kabacalı Alpay*. *Türkiye’de Gençlik Hareketleri*. İstanbul, 2007. S. 78; *Taylak Muammer*. *Saltanat, II. Meşrutiyet ve I. Cumhuriyet’te öğrenci hareketleri*. Ankara, 1969.

⁵ *İskan Kanunu* (2510 Sayılı ve 14/06/1934 Tarihli) // *Resmi Gazete*. 21/06/1934. Sayı, 2733.

⁶ *Jongerden Joost*. *The Settlement Issue in Turkey and the Kurds: an Analysis of Spatial Policies, Modernity and War*. Leiden, the Netherlands; Boston, 2007.

⁷ *McDowall David*. *A modern history of the Kurds*. L.; N. Y., 2004. P. 207–208.

замолчать. 4 декабря 1945 г. студенческая молодежь, координируемая функционерами НРП, под лозунгами «Долой коммунистов» разгромила редакцию «Тан», сломала печатные станки и покалечила сотрудников газеты¹².

В дальнейшем власти продолжили подпитывать праворадикальные настроения в студенческой среде. В марте 1947 г. студенты Анкарского университета собрались на площади Улус с требованиями немедленного увольнения профессоров и преподавателей с левыми взглядами. В декабре 1948 г. масштабная студенческая акция протеста с антикоммунистическими лозунгами прошла на площади перед Стамбульским университетом. К тому времени студенческой активностью управляла Турецкая национальная студенческая федерация (*TuT rk Milli Talebe Federasyonu*), которая еще теснее была связана с правительством, чем распущенный в 1937 г. Турецкий национальный студенческий союз (*Milli Türk Talebe Birliği*)¹³. Однако политизация студенчества и молодежи в 1940-е годы все равно оставалась на достаточно низком уровне, что объяснялось отсутствием необходимости в ее мобилизации на защиту кемалистского режима.

Изменения в характере социального протеста с переходом к многопартийности

Приход к власти Демократической партии (ДП) Дж. Баяра и А. Мендереса в 1950 г. поставил на повестку дня вопрос об угрозе наследию кемалистской революции – ревизии принципов кемалистской республики и переоценке результатов кемалистских реформ. Заняв пост премьер-министра, А. Мендерес открыто заявлял о необходимости «поубавить спеси гордому офицерству»¹⁴ и разделить реформы Ататюрка на «воспринятые и невоспринятые народом», подразумевая под последними реформы по секуляризации государства и общества¹⁵. Во взаимоотношениях с оппозицией правительство ДП придерживалось стратегии по комплексному ее подавлению, что было направлено не только против главных оппонентов из НРП, но и политической активности университетов. Все это существенно изменило характер социального протеста, который теперь сосредоточился на защите кемалистской республики и политического наследия Ататюрка. Роль главных субъектов этого движения в защиту «кемалистского проекта» приняли на себя во-

енные (молодые офицеры) и студенческая молодежь. В это время в публичном дискурсе кемалистов фокус сместился на ведущую роль молодежи в реализации кемалистского проекта – в доказательство приводились цитаты из выступлений Ататюрка, в которых молодежь характеризовалась как главный страж режима. Стратегический союз кемалистов и студенческой молодежи просуществовал недолго – до середины 1960-х годов, когда НРП выдвинула программу «левее центра», фактически означавшую концептуальную ревизию прежней политической платформы партии. Молодежь к тому времени превратилась во влиятельную политическую силу, способную при поддержке армии сместить правительство. Доказательством серьезного политического потенциала студенческой молодежи стала ее активность во время военного переворота 27 мая 1960 г. Весной 1960 г. именно студенты были во главе борьбы с антиконституционной деятельностью правительства Баяра-Мендереса, начавшего демонтаж основ кемалистской республики¹⁶.

Однако к началу 1970-х годов студенческая молодежь из главного защитника кемалистского проекта превратилась в его главную угрозу. Студенческие организации и созданные ими военизированные боевые отряды стали основным фактором внутривнутриполитической дестабилизации и роста политического насилия. Левойэкстремистские молодежные группировки, правонационалистические «серые волки» и фундаменталисты боролись за контроль над улицами и студенческими кампусами. У них не было проблем с рекрутированием в свои ряды молодежи, которая из-за экономического кризиса, поразившего Турцию в 1970-е годов, практически не имела перспектив сделать карьеру. Число жертв уличных столкновений и терактов росло очень быстро: с 230 в 1977 г. до 1200 в 1978 г. и 1500 в 1979 г. Насильственный характер политического экстремизма в Турции объяснялся укорененностью традиционной культуры, в которой важную роль играли понятия чести и стыда, резкий контраст между собственной семьей или кланом и чужаками, а также кровная месть. В 1979–1980 гг. характер насилия изменился: наряду с «симметричными убийствами» по принципу «око за око» левых

¹⁶ Использование войск для подавления студенческих выступлений, в ходе которых один студент был убит, привело к большой безмолвной демонстрации курсантов Анкарского военного училища по улицам столицы 21 мая 1960 г. Газеты, которые из-за жестких цензурных ограничений не могли публиковать сообщения о беспорядках, вместо них дали обширные материалы о студенческих волнениях в Южной Корее, приведших к падению президента Ли Сын Мана. Ранним утром 27 мая 1960 г. армейские подразделения заняли все правительственные здания в Анкаре и Стамбуле, арестовали всех министров и депутатов-членов ДП, включая самого Мендереса и президента Республики Джебеля Баяра.

¹² *Kabacalı Alpay*. Türkiye’de Gençlik Hareketleri. İstanbul, 2007. S. 103–105.

¹³ *Taşcıoğlu Mükerrrem*. Türkiyede Talebe Hareketleri // Cumhuriyet. 16/01/1967.

¹⁴ Цит. по: *Данилов В.И.* Политическая борьба в Турции. 50-е – начало 80-х годов XX в. М., 1985. С. 30–31.

¹⁵ См.: *Шлыков П.В.* Политический ислам в Турции: поиски новой идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2008. № 4. С. 58.

и правых экстремистов жертвами терактов все чаще становились видные общественные деятели. В мае 1980 г. был убит заместитель председателя Партии националистического действия, а в июле за ним последовали бывший премьер-министр Нихат Эрим и бывший генеральный председатель Федерации революционных профсоюзов (ДИСК) Кемаль Тюрклер. Несмотря на введение чрезвычайного положения, власти, казалось, неспособны были восстановить порядок. Целые районы переходили под контроль одной или другой из соперничающих группировок и объявлялись «освобожденными зонами».

В целом, если вывести за скобки политическое насилие и акты прямого террора, годы «Второй Республики» (1960–1980) стали ключевым периодом для развития культуры социального протеста в Турции. Особенно это касалось базовых форм и методов протеста – в последующем они модифицировались, но «генетический код» оставался практически неизменным вплоть до 2000-х годов. Наряду с довольно специфическими формами социального протеста, как создание протестных ассоциаций (например, «Общество не слушающих радио»¹⁷), в этот период развивались и наиболее традиционные и универсальные в современном представлении формы протеста – митинги, демонстрации и шествия. За годы плюралистической демократии частота и совокупное количество подобных акций имели восходящую динамику, увеличившись с конца 1950-х до конца 1970-х годов более чем в три раза¹⁸. Еще одна характерная черта периода – снижение популярности коллективных петиций. «Борьба словом», имеющая глубокие исторические корни (еще в эпоху Османской империи обращение с жалобой к султану или крупным местным сановникам являлось одной из основных форм ненасильственной борьбы за справедливость и свои интересы), в 1950-е годы была одной из самых упоминаемых в прессе форм выражения протеста, но к концу 1970-х годов практически сошла на нет. Более

¹⁷ «Общество не слушающих радио» возникло в конце 1950-х годов как реакция на одиозную кампанию по созданию «Народного фронта» из сторонников Демократической партии, стремительно теряющей свою популярность на фоне экономического и политического кризиса конца. Главный элемент кампании по мобилизации сторонников ДП сводился к ежедневному чтению по государственному радио бесконечных «списков вступивших» в ряды Фронта. Однако очень быстро выяснилось, что в списках фигурировали имена детей, умерших людей, и даже полностью вымышленные фамилии. Фальсификации вызвали крайнее возмущение, что окончательно подорвало репутацию ДП. *Tuna Yalçın*. *Radyo Dinlememek Suç Olamaz* // *Ulus*. 13/12/1958; *Radyo Dinlemeyenler Cemiyeti Kapatıldı* // *Milliyet*. 30/04/1959.

¹⁸ *Gorgas Jordi Tejel*. *The Limits of the State: Student Protest in Egypt, Iraq and Turkey, 1948–63* // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2013. Vol. 40. Issue 4. P. 373–374.

сложные по механике организации и проведения бойкоты и сидячие забастовки получили распространение в конце 1950-х годов и стали очень частым явлением в годы наивысшей протестной активности турецких студентов в 1968–1971 гг.

Протесты после переворота 1980 г. и принятия новой Конституции

Военный переворот 12 сентября 1980 г. стал рубежом не только для политической истории Турции (неслучайно период после 1980 г. некоторые исследователи называют «Третьей республикой»), но и для развития культуры политического протеста. Первая половина 1980-х годов прошла под знаком общего запрета на публичную политику, моратория на создание политических партий (все партии были распущены) и массовых репрессий против левых радикалов и правых ультра националистов. В июне 1981 г. Совет национальной безопасности, фактически сконцентрировавший в своих руках всю полноту власти в стране, инициировал запрет на публичное обсуждение политических проблем, в октябре распустил все политические партии и конфисковал партийное имущество, а в 1982 г. почти в оруэлловском стиле запретил бывшим политикам публичное обсуждение прошлого, настоящего или будущего. В своем стремлении порвать с прошлым режимом генералы даже изъяли архивы политических партий за последние 30 лет (более ранние были конфискованы еще в 1950-х годов). Тем временем волна арестов охватила страну: в течение первых шести недель после переворота было арестовано 11,5 тыс. человек; к концу 1980 г. это число возросло до 30 тыс., а год спустя было произведено 122,6 тыс. арестов¹⁹.

Жесткие меры привели к резкому – на 90% – снижению числа политически мотивированных актов террора. Антитеррористическая кампания оказалась более беспристрастной, чем в 1971–1973 гг., и коснулась не только левых, но и «серых волков» из уличных банд А. Тюркеша²⁰. Вместе с тем выслеживались и подвергались аресту не только подозреваемые в совершении актов террора, но и уважаемые профсоюзные деятели, политики, университетские преподаватели и профессора²¹, учителя, журналисты и адвокаты – все, кто до

¹⁹ *Zürcher E. J.* *Turkey: a Modern History*. L.; N. Y., 1998. P. 293–294.

²⁰ Серые волки (*Bozkurtlar*) – молодежная радикальная организация ультраправых националистов, создана в конце 1960-х годов по инициативе А. Тюркеша под патронажем Партии националистического движения, активно участвовала в политическом насилии 1970-х годов.

²¹ В конце 1982 г. из университетов были уволены 300 преподавателей, а в начале 1983 г. прошла вторая серия увольнений. Многие подавали в отставку по собственному желанию, потому что уволенные теряли также свои пенсии и право на получение когда-либо вновь работы в госсекторе.

сентября 1980 г. выражал даже весьма неопределенно левые или исламистские взгляды. Во время допросов и тюремного заключения к задержанным применялись пытки. Многочисленные факты смертей среди заключенных привлекли внимание международной правозащитной организации “Эмнести Интернешл”, а в мае 1981 г. из-за этого даже было приостановлено членство Турции в Совете Европы. Наряду с судами над частными лицами были организованы процессы над социалистическими и исламистскими партиями, левой конфедерацией профсоюзов ДИСК, городским партизанским движением Революционные левые и Курдской рабочей партией. За два года после переворота военные трибуналы вынесли 3600 смертных приговоров (в исполнение приведено только 15) и десятки тысяч менее суровых приговоров.

Политическая жизнь в Турции начала немного оживать лишь во второй половине 1980-х годов – с первыми парламентскими выборами, вновь созданными политическими партиями. Правда, правила игры на политическом поле существенно изменились. После переворота 12 сентября 1980 г. правящий военный режим задал параметры управляемой демократии, в которой не должно было остаться места для радикалов и эскалации политического насилия: политическая активность гражданского общества была сильно ограничена, а для партий был введен 10%-ный барьер прохождения в парламент²². Тем не менее опыт социальных протестов предшествующих десятилетий не был окончательно перечеркнут, помогал в новых условиях находить эффективные формы политического давления на власть. Более того, социальные разломы, по линии которых проходили протесты в 1960-е и 1970-е годы (проблемы лаицизма, национализма и т. д.), никуда не исчезли и по-прежнему оставались главной причиной общественной напряженности.

Новым в развитии политической культуры 1980-х и 1990-х годов стали изменившиеся подходы к наследию кемалистской революции. На протяжении десятилетий после смерти Ататюрка в 1938 г. турецкая политика продолжала нести на себе печать личности основателя республики. Ссылка на Ататюрка долгое время была непременным атрибутом любой политической дискуссии: стороннему наблюдателю это напоминало религиозный спор, когда в качестве аргумента используется формула «так написано в Коране». В большинстве протестных акций 1950-х и 1960-х годов так или иначе присутствовала

прямая отсылка к личности Ататюрка. Исламисты в эти годы совершали коллективные или индивидуальные акции надругательства над статуями и бюстами основателя республики, показательно портили фотографии с изображением Ататюрка, действуя преимущественно тайно, чтобы избежать наказания. Их оппоненты – инициативные группы граждан, студенческие организации, СМИ и т. д. – свою верность кемалистской революции демонстрировали регулярным посещением мавзолея Ататюрка «Аныткабир» в Анкаре и общественными кампаниями по возведению новых памятников Ататюрку. Эффект наследия Ататюрка можно увидеть и в характере политического протеста 1950-х – 1960-х годов. В том что армия и молодежь в эти годы стали главными субъектами политического протеста, выступая защитниками наследия кемалистской революции, тоже есть прямая отсылка к Ататюрку, той роли, которую он завещал армии и студенчеству. Лишь в 1990-е годы риторика большинства турецких политиков преодолела в себе заикленность на личности Ататюрка. В культуре политического протеста это произошло еще в 1980-е годы.

Новый социально-экономический курс – переход от импортозамещающей плановой экономики к рыночной с ориентацией на экспорт, который стал внедряться правительством в 1980-е годы, привел к фундаментальным изменениям в жизни турецкого общества. В условиях продолжающегося роста населения, который начался еще в 1950-е годы, в крупные города хлынула безработная молодежь. К началу 1980-х годов более половины населения Турции проживала в городских агломерациях – притом что 20 лет назад соотношение было прямо противоположным. Стремительные изменения в экономике и демографической ситуации привели к серьезным деформациям в системе моральных, культурных и религиозных ценностей общества. Интеграция Турции в глобальную экономику, модернизация и внедрение современных технологий, ставшие приоритетными направлениями политики правительств Т. Озала – все это способствовало революционным изменениям в социальной структуре турецкого общества. Подавляемые ранее или сугубо маргинальные социальные группы начали сорганизовываться, и постепенно их роль в общественной жизни страны становилась все заметнее. Идеологический «вакуум», возникший после подавления леворадикальных и ультранационалистических движений, способствовал появлению новых субъектов социального протеста. В авангарде оказались радикальное курдское национальное движение,

²² Подробнее см.: Шлыков П.В. Трансформация партийно-политической системы Турции в 1983–2013 гг. и мобилизационные стратегии оппозиции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2013. № 3. С. 37; Çarkoğlu Ali, Kalaycıoğlu Ersin. Turkish Democracy Today: Elections, Protest and Stability in an Islamic Society. L., 2007. P. 72–75, 81.

исламистские силы, феминистское движение, алевиты²³, экологи и борцы за права человека. По ряду характеристик они фундаментально отличались от главных субъектов социального протеста 1960-х и 1970-х годов: для них была характерна ревизия и даже отказ от обычных методов политической организации, поиск новых форм социальных отношений, попытки сформулировать альтернативные культурные ценности. Общим для этих движений – хотя они представляли очень разные группы интересов и социальные течения – было стремление к расширению инфраструктуры политического участия и усилению роли гражданского общества.

Пример курдского национального движения очень показателен. Вплоть до начала 1980-х годов власти Турции настойчиво отрицали существование курдского вопроса, продолжая использовать для идентификации курдов формулировку Лозаннского договора 1923 г. – «горные турки». Невысокая активность курдского национального движения позволяла правительству относительно успешно купировать курдскую проблему. Курдское население юго-восточных районов Анатолии продолжало жить достаточно обособленно, сплачиваясь преимущественно на основе племенных связей и патриархальной самобытности. Однако к началу 1980-х годов ситуация кардинальным образом изменилась – курдское племенное единство утратило прежнее консолидирующее значение, повсеместно, особенно в городах, наблюдался всплеск курдского национального самосознания. Социальный облик и состав участников «курдского сопротивления» обрел новые черты – это уже было не сельское, а по преимуществу городское движение с оформленным идеологическим базисом в виде курдского национализма и своими политическими организациями²⁴ – сначала созданной в 1974 г. Социалистической партией Курдистана (*Partiya Sosyalist a Kurdistan*), затем – основанной в 1978 г. Рабочей партией Курдистана (РПК) (*Partiya Karkerên Kurdistan*). Отличительная особенность РПК заключалась в том, что не в пример другим курдским организациям она строилась

²³ Алевиты – достаточно многочисленная (по разным оценкам 15–20 млн) религиозная и культурная община в Турции и на Балканах, исторически восходящая к возникшему в XII в. движению Кызылбашей (тур. «красноголовых»). Ритуальная практика алевитов существенно отличается от мусульманской (место поклонения – дом (*джем эви*), а не мечеть, ритуальная церемония (*семах*) состоит из музыки и танцев и т. д.). Иногда турецких алевитов ошибочно относят к шиитам, поскольку они тоже почитают Али и двенадцать имамов, или же связывают с суфийским *тарикатом* (братством) Бекташийя, так как алевиты также почитают проповедника XIII в. Хаджи Бекташа Вели. Алевизм как религиозно-культурное явление тесно связан с народной доисламской культурой Анатолии.

²⁴ *Bozarslan Hamit. Why the Armed Struggle? Understanding the Violence in Kurdistan of Turkey // The Kurdish Conflict in Turkey. N. Y., 2000. P. 17–18.*

не по племенному принципу, а привлекала в свои ряды всех, кто готов был бороться за «права и интересы курдов», «освобождение курдов» и т. д.

В середине 1980-х годов эмигрировавшая после военного переворота в Сирию РПК во главе с А. Оджаланом перешла к активной фазе борьбы за свои интересы на территории Турции, к которой власти страны оказались фактически не готовы. События в Хаккяри и Сиирте в 1984 г. стали началом вооруженной борьбы за создание на территории Турции независимого курдского государства. Достаточно быстро отдельные вооруженные стычки между боевиками РПК и правительственными силами безопасности переросли в полномасштабную гражданскую войну в юго-восточных районах Турции, в результате которой активность РПК стала прочно ассоциироваться с террористической деятельностью, а ущемление прав курдского населения стало приобретать в 1990-е годы пугающие размеры. К моменту ареста в 1999 г. лидера РПК Абдуллы Оджалана количество жертв конфликта превысило 30 тыс. человек убитыми, из которых большинство являлось гражданскими лицами, было разрушено более 3 тыс. деревень, свыше 2,5 млн курдов вынуждены были покинуть места пребывания и бежать в другие районы страны либо эмигрировать в соседние страны²⁵.

Новые формы и содержание социального протеста после 2000-х годов

Наиболее значимые антиправительственные выступления в 2000-е годы прошли в период президентской предвыборной кампании весной 2007 г. Волна массовых митингов «В защиту республики» (*Cumhuriyet Mitingleri*), таково было общее название народных протестов, прокатилась по крупнейшим городам Турции и привлекла миллионы участников (только в крупных городах в акциях, по данным полиции и журналистов, приняло участие несколько миллионов человек – 1,5 млн в Анкаре²⁶, более 1 млн в Стамбуле²⁷, около 1 млн в Измире²⁸, десятки тысяч в Манисе и Чанаккале²⁹). В числе

²⁵ См.: Шлыков П. Курдский вопрос в Турции: на пути к разрешению конфликта? // Перспективы. Электронный журнал Фонда исторической перспективы. 2013. Июнь. URL: http://www.perspektivy.info/book/kurdsij_vopros_v_turcii_na_puti_k_razresheniju_konflikta_2013-06-26.htm

²⁶ % 65'in yüzbinleri // Hürriyet. 15/04/2007. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/65-in-yuzbinleri-6335051>

²⁷ One million Turks rally against government // Reuters. 29/04/2007. URL: <http://www.reuters.com/article/2007/04/29/us-turkey-president-idUSL2910950920070429>

²⁸ İzmir rekor bekliyor // Hürriyet. 11/05/2007. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/izmir-rekor-bekliyor-6495436>

²⁹ 3 miting 3 mesaj 6 Mayıs // Hürriyet. 06/05/2007. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/3-miting-3-mesaj-6462629>

организаторов митингов турецкая печать называла Ассоциацию кемалистской мысли (*Atatürkçü Düşünce Derneği*) и ее председателя бывшего командующего жандармерией генерала Шенера Эрүйгура, впоследствии обвиненного в организации и подготовке антиправительственного заговора в рамках дела «Эргенекон». Первый митинг «В защиту республики» прошел в Анкаре 14 апреля (за два дня до первого тура голосования по кандидатуре президента в парламенте), второй – в Стамбуле 29 апреля³⁰, далее 5 мая аналогичные акции прошли в Манисе и Чанаккале³¹, 13 мая – в Измире³². Острие протеста «защитников республики» было направлено против избрания президентом Турции кандидатуры с «исламистскими корнями» от ПСР, объединяющей темой протеста стала защита идеалов кемализма и секулярных основ Турецкой Республики, т. е. традиционные для Турции проблемы роли ислама общественной жизни и процесс десекуляризации³³.

Новые по форме и содержанию общественные выступления в Турции начали появляться в начале второго десятилетия 2000-х годов. Массовые протесты лета 2013 г. по своему характеру серьезно отличались от аналогичных акций 1990-х годов и 2000-х годов. Если в центре внимания митингов «В защиту республики» 2007 г. был традиционный конфликт борцов за соблюдение принципа лаицизма и сторонников исламизации, то движение защитников парка Гези по составу участников, механике мобилизации и целям было другим. Волнения начались 28 мая 2013 г. на площади Таксим в центре Стамбула и очень быстро распространились по другим провинциям и городам Турции, объединив, по подсчетам министерства внутренних дел, более 2,5 млн человек в разных уголках страны³⁴. Первопричиной протестов стал план реконструкции парковой зоны Гези – вырубка деревьев и строительство торгово-развлекательного центра в стиле османских казарм, существовавших здесь до середины XX в. Поэтому в авангарде оказались экологи, чей палаточный

³⁰ Laik Türkiye için Çağlayan'a // Hürriyet. 29/04/2007.

³¹ 3 miting 3 mesaj 6 Mayıs // Hürriyet. 06/05/2007. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/3-miting-3-mesaj-6462629>

³² İzmir rekor bekliyor // Hürriyet. 11/05/2007. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/izmir-rekor-bekliyor-6495436>

³³ «Вторая волна» митингов «В защиту республики» стартовала 17 мая 2009 г., однако это были уже акции протеста против арестов видных военных по делу «Эргенекон». Cumhuriyet Mitingleri yeniden // Cumhuriyet. 22/04/2009. URL: http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/diger/57158/Cumhuriyet_Mitingleri_yeniden.html

³⁴ 2.5 million people attended Gezi protests across Turkey: Interior Ministry // Hürriyet Daily News. 23/06/2013. URL: <http://www.hurriyetaidailynews.com/25-million-people-attended-gezi-protests-across-turkey-interior-ministry-.aspx?pageID=238&nID=49292&NewsCatID=341>

лагерь был жестоко уничтожен силами правопорядка, это и вывело на площадь турецких городов сотни тысяч недовольных «режимом Эрдогана». В центре конфликта, который официальные власти списали на происки внешних врагов, – лежала проблема узких рамок мажоритарной демократии и ее специфическая интерпретация как «демократии избирательных урн» (недовольство правительством и политическим курсом правящей партии должно выражаться исключительно во время выборов). Однако для большинства турецкого общества столь ограниченная трактовка демократии оказалась неприемлемой.

Протестное движение в защиту Гези высветило проблемы, находящиеся вне рамок политического протеста 1980-х, 1990-х или 2000-х годов³⁵. Это вопросы границ допустимого вмешательства государства в общественную, культурную, экономическую и политическую жизнь граждан, пределов экспансии «культуры потребления с ее неотъемлемыми спутниками – торговыми центрами, заполонившими турецкие города», и возможностей гражданского общества³⁶. Движение в защиту Гези отстаивало право каждого на выбор образа жизни – в противовес навязываемым сверху рецептам «правильной жизни». В то же время проблема десекуляризации/исламизации Турции – главная тема политического противостояния последних двух десятилетий – для защитников Гези не составляла предмет социального протеста. Отчасти это объяснялось тем, что к 2013 г. значительная часть кемалистской элиты – идеологических противников десекуляризации – уже была нейтрализована властью и отбывала сроки в турецких тюрьмах по обвинениям в подготовке государственного переворота³⁷. Кроме того, большинство участников протестов в парке Гези и на площади Таксим не были активистами каких-либо политических движений или известных неправительственных организаций. По данным авторитетной социологической службы KONDA, 80% протестующих не связывали себя с какой-либо партией, политической организацией или НПО, а больше половины (52%) вообще затруднились четко обозначить свои политические пристрастия³⁸. Поэтому проблема исламизации повседневной жизни

³⁵ Bozarşlan H. L'Histoire de la Turquie de l'Empire à nos jours. Paris, 2013.

³⁶ Göle N. Gezi – Anatomy of a Public Square Movement // Insight Turkey. 2013. 15 (3). P. 7–14.

³⁷ См.: Шлыков П.В. Военная элита в политической системе Турецкой Республики // Элиты стран Востока. М., 2011. С. 31–60.

³⁸ Konda. Gezi Park survey. Istanbul, 2013. URL: http://konda.com.tr/en/raporlar/KONDA_Gezi_Report.pdf. Примечательно также, что детальное социологическое исследование участников протестных акций лета 2013 г. показало, что в большинстве своем они не являлись «электоратом НРП» и выражали симпатии к НРП лишь как

(запрет на потребление алкоголя, пропаганда многодетности и т. д.) хотя и находилась в фокусе социального протеста, но не как проблема защиты секулярного характера Турецкой Республики, верности кемалистскому проекту, а как вопрос свободы индивидуального выбора и уважения прав человека³⁹. Среди защитников Гези бок о бок стояли как противники исламизации с лозунгами, пародирующими правительственную пропаганду здорового образа жизни («Как минимум три пива» – в ответ на призыв Эрдогана «Как минимум три ребенка»), так и сторонники исламизации в форме мусульманской солидарности, не приемлющие экономический неолиберализм правительства.

Еще одно важное отличие социального протеста 2013 г. – механизмы мобилизации сторонников. Движение защитников Гези формировалось с широчайшим применением интернет-технологий – социальных сетей, сервисов коротких сообщений, публичных видеохостингов. Как подсчитали в лаборатории исследования социальных медиа Нью-Йоркского университета, только за один день – 2 июня 2013 г. – количество сообщений в Twitter с упоминанием протестов превысило 2 млн: с хэштегом #direncezipark_ – 950 тыс. твитов, #ocsupugezi – 170 тыс., #geziparki – 50 тыс., т. е. в течение дня каждую минуту в Twitter отправлялось порядка 3 тыс. сообщений с информацией о протестах⁴⁰.

Отсутствие лидеров протеста также стало характерной чертой внутренней организации защитников Гези как движения, отрицающего любые формы подчинения и доминирования. Участники протестов всячески подчеркивали нежелание выстраивать отношения на принципах индивидуализма и конкуренции, выступая за общество, в котором у каждого есть возможность для творческого самовыражения без жесткого контроля со стороны государства. В определенном смысле это был призыв к созданию альтернативной социальной реальности, где не было бы места какой-либо иерархии. Среди протестующих, конечно, были и те, кто придерживались иного мнения на вопрос о необходимости лидера протестного движения, в частности, те, кто выступал за создание политической «Платформы Таксим», однако им не удалось предложить фигуру, которая смогла бы объединить и возглавить столь неоднородный по социальному

главному политическому оппоненту «режиму Эрдогана». *Taştan C.* The Gezi Park protests in Turkey: a qualitative field research // *Insight Turkey*. 2013. Vol. 15 (3). P. 28–29.

³⁹ *Göle Nilüfer.* Gezi – anatomy of a public square movement // *Insight Turkey*. Vol. 15 (3). P. 7–14.

⁴⁰ Social Media and Political Participation Lab Data Report. A Breakout Role for Twitter? The role of social media in the Turkish protests. N. Y., 2013. URL: http://smapp.nyu.edu/reports/turkey_data_report.pdf

составу политическим взглядам протест. В этом отношении движение защитников Гези не только отражало новый характер социального протеста «эпохи Интернета»⁴¹, описанного в известном исследовании Мануэля Кастелла «Коммуникативная власть», но и модели «прямой демократии», которую активно использовали во время протестов «Захвати Уолл-стрит» в США и движения «15-М» в Испании в 2011 г.

* * *

Социальный протест в Турции – явление, отражающее, с одной стороны, универсальные тенденции в развитии культуры политического участия, примеры которых легко можно обнаружить в новейшей истории разных стран (как Востока, так и Запада), с другой – траектории эволюции политической культуры Турции. Среди факторов, формировавших культуру социального протеста в Турции можно выделить четыре главных. На первом месте – кемалистский проект «Новой Турции», который так или иначе выступал отправной точкой всех – за малым исключением – социальных протестов. На втором месте – «власть-центричная» модель политической системы, в рамках которой государство – средоточие властных и материальных ресурсов, основной адресат и детонатор протестов. В-третьих, специфика социальной стратификации – практически «бесклассовый» характер общества и, как следствие, слабость рабочего движения, особенно в первые десятилетия республиканской истории и вплоть до 1960-х годов. В-четвертых, насаждение кемалистской политической идентичности и подавление альтернативных идентичностей (этнических, религиозных), навязывание сверху модели «правильного поведения» и особо настороженное отношение власти к вопросу политического участия и активности гражданского общества. Удивительным образом большинство перечисленных черт сохранилось в Турции с 1920-х годов вплоть до 2000-х годов. Этот ряд факторов-детерминант социального протеста можно продолжить, добавив политический контекст: волны обострения турецкого национализма (особенно в связи с событиями вокруг Кипра), системный кризис власти в 1970-е годы и неспособность правительства справиться с политическим насилием, массовая миграция сельского населения в города с 1950-х годов, сложности в экономике – все это накладывало отпечаток на характер социального протеста в Турции. Например, студенческие протесты в Турции по форме и содержанию были схожи со студенческими движениями во Франции или США, но в целом были продуктом кемалистской политики по отношению

⁴¹ *Castells M.* Communication Power. N. Y., 2009.

к молодежи и роли, которая отводилась молодому поколению в кемалистском проекте «Новой Турции».

Власть – центричная модель политической системы – делала государство главным адресатом и аудиторией протестов, а также снижала значение фактора политической идентичности. Лишь в 1970-е годы социальный протест приобрел черты противостояния антагонистических по своим идеологическим позициям социальных групп (правда, формы противостояния левых и националистов по характеру напоминали гражданскую войну). Проблема противостояния политических идентичностей на повестке дня появилась еще позже – к 1990-м годам.

Важным для развития культуры социального протеста в Турции стали 1970-е годы. Коллапс политической системы во второй половине 1970-х годов, неспособность слабых коалиционных правительств повлиять на радикализацию молодежных движений привели к тому, что вектор социального протеста сместился – вместо требований и обращений к центральной власти появилась идея опоры на собственные силы, поиска возможностей «самим решать свои проблемы». Поэтому лавинообразный рост уровня насилия в 1970-е годы – следствие не только неэффективности власти, но и отказа молодежных движений от прежней модели участия в политике. Это рельефно отразилось в изменении формы протестных акций, их содержания и риторики.

Всплеск насилия 1970-х годов примечателен еще и тем, что в парадигме взаимовлияния социального протеста и политической культуры произошла «смена полярности»: радикальные формы протеста начинают определять траекторию развития политической культуры, становятся «отправной точкой» для ее трансформации. В частности, это выразилось в появлении формулы неприятия политического терроризма и радикализма, которой воспользовались лидеры военного переворота 12 сентября 1980 г., взявшие курс на деполитизацию общества в первой половине 1980-х годов. В результате политическая активность начала восприниматься не как добродетель и важнейшая составляющая политического процесса, а как угроза социальному порядку, что катастрофически сужало поле публичной сферы. В связи с этим в 1990-е и даже в 2000-е годы власть не стала терпимее относиться к политическим протестам, жестокость и строгость полиции по отношению к протестующим в сегодняшней Турции едва ли меньше, чем в 1950-е годы. Яркое подтверждение – подавление движения защитников парка Гези летом 2013 г.

Социальный протест конца 1990-х годов отразил важные изменения, произошедшие в турецком обществе того времени. Тематика

протестных акций, их участники, да и сами формы акций ощути-мо отличались от тех, что можно было видеть в предшествующие несколько десятилетий. Резонансный инцидент в Сусурлуке, последовавшая за ним кампания «за чистые руки» и движение «Минута темноты ради света» (*Süreklî Aydınlik İçin Bir Dakika Karanlık Eylemi*) – по сути, отразили фундаментальные перемены в содержании социального протеста, который был уже не столько в защиту или, наоборот, против Ататюрка и его проекта «Новой Турции», сколько в защиту интересов гражданского общества. В середине 2000-х годов в рамках «Митингов в защиту республики» (*Cumhuriyet Mitingleri*) обозначенная тенденция еще больше укрепилась, а в 2013 г. получила свое логическое развитие в массовом движении за расширение демократии.

Список литературы

- Данилов В.И. Политическая борьба в Турции. 50-е – начало 80-х годов XX в. М., 1985.
- Жигульская Д.В. Восстание турецких курдов в Дерсиме (1937–1938 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Вып. № 161. 2013. С. 19–24.
- Шлыков П.В. Военная элита в политической системе Турецкой Республики // Элиты стран Востока. М., 2011. С. 31–60.
- Шлыков П.В. Политический ислам в Турции: поиски новой идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2008. № 4. С. 56–78.
- Шлыков П.В. Трансформация партийно-политической системы Турции в 1983–2013 гг. и мобилизационные стратегии оппозиции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2013. № 3. С. 36–55.
- Шлыков П. Курдский вопрос в Турции: на пути к разрешению конфликта? // Перспективы. Электронный журнал Фонда исторической перспективы. 2013. Июнь. URL: http://www.perspektivy.info/book/kurdsij_vopros_v_turcii_na_puti_k_razresheniju_konflikta_2013-06-26.htm
- Takrir-i Sükun Kanunu. 4 Mart 1341 Tarih ve 578 Numaralı // TBMM Zabıt Ceridesi, Cilt: 30. S. 19.
- İskan Kanunu (2510 Sayılı ve 14/06/1934 Tarihli) // Resmi Gazete, 21/06/1934, Sayı: 2733.
- Kabacalı A. Türkiye’de Gençlik Hareketleri. İstanbul, 2007.
- Saraç N. Alevilerin Siyasal Tarihi 1300–1971. İstanbul, 2011.
- Taylak M. Saltanat, II. Meşrutiyet ve I. Cumhuriyet’te öğrenci hareketleri. Ankara, 1969.
- Bozarlan H. *L’Histoire de la Turquie de l’Empire à nos jours*. Paris, 2013.
- Bozarlan H. Why the Armed Struggle? Understanding the Violence in Kurdistan of Turkey // *The Kurdish Conflict in Turkey*. N. Y., 2000. P. 17–18.
- Çarkoğlu A., Kalaycıoğlu E. *Turkish Democracy Today: Elections, Protest and Stability in an Islamic Society*. L., 2007.
- Castells M. *Communication Power*. N. Y., 2009.

Göle N. Gezi – Anatomy of a Public Square Movement // *Insight Turkey*. 2013. 15 (3). P. 7–14.

Gorgas J.T. The Limits of the State: Student Protest in Egypt, Iraq and Turkey, 1948–63 // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2013. Vol. 40. Issue 4. P. 359–377.

Jongerden J. *The Settlement Issue in Turkey and the Kurds: an Analysis of Spatial Policies, Modernity and War*. Leiden, the Netherlands; Boston, 2007.

Konda. *Gezi Park survey*. Istanbul, 2013. URL: http://konda.com.tr/en/raporlar/KON-DA_Gezi_Report.pdf

McDowall D. *A modern history of the Kurds*. L.; N. Y., 2004.

Social Media and Political Participation Lab Data Report. A Breakout Role for Twitter? The role of social media in the Turkish protests. N. Y., 2013. URL: http://smapp.nyu.edu/reports/turkey_data_report.pdf

Taştan C. *The Gezi Park Protests in Turkey: a Qualitative Field Research* // *Insight Turkey*. 2013. Vol. 15 (3). P. 27–38.

Zürcher E. J. *Turkey: a Modern History*. L.; N. Y., 1998.

Hürriyet Daily News. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/>

Hürriyet, 1997–2015. URL: <http://hurarsiv.hurriyet.com.tr/arsiv/>

Cumhuriyet, 1930–2015. URL: <http://www.cumhuriyetarsivi.com/>

Milliyet, 1950–2015. URL: <http://gazetearsivi.milliyet.com.tr/>

Akşam, 1929–2015. URL: <http://www.aksam.com.tr/>; <http://gazeteler.ankara.edu.tr/>

Ulus, 1920–1954, 1955–1971. URL: <http://gazeteler.ankara.edu.tr/>

Reuters. URL: <http://www.reuters.com/>

The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/>

References

Zhigul'skaya D.V. *Vosstanie turetskikh kurdov v Dersime (1937–1938 gg.) (Revolt of Kurds of Turkey in the Region of Dersim (1937–1938))* // *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena (Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science)*. Issue. 161 / 2013. P. 19–24.

Danilov V.I. *Politicheskaya bor'ba v Turtsii. 50-e – nachalo 80-kh godov XX v. (Political Struggle in Turkey during the 1950s and early 1980s)*. Moscow, 1985.

Shlykov P.V. *Voennaya elita v politicheskoi sisteme Turetskoi Respubliki (Military Elite in the Political System of Turkish Republic)* // *Elity stran Vostoka (Elites of the Oriental Countries)*. Moscow, 2011. P. 31–60.

Shlykov P.V. *Politicheskii islam v Turtsii: poiski novoi identichnosti (Political Islam in Turkey: in Search for New Identity)* // *Moscow University Bulletin. Ser. 13. Oriental Studies*. 2008. no. 4. P. 56–78.

Shlykov P.V. *Transformatsiya partiino-politicheskoi sistemy Turtsii v 1983–2013 gg. i mobilizatsionnye strategii oppozitsii (The Transformation of Turkey's Party and Political System in 1983–2013 and Mobilization Strategies of the Opposition)* // *Moscow University Bulletin. Ser. 13. Oriental Studies*. no. 3, 2013. P. 36–55.

Shlykov P. *Kurdskii vopros v Turtsii: na puti k razresheniyu konflikta? (Kurdish Question in Turkey: on the Way to Solution of the Conflict)* // *Perspectives. The Historical Perspectives Foundation*. June 2013. URL: http://www.perspektivy.info/book/kurdskij_vopros_v_turtsii_na_puti_k_razresheniyu_konflikta_2013-06-26.htm

Takrir-i Sükun Kanunu. 4 Mart 1341 Tarih ve 578 Numaralı (Law on the Maintenance of Order. 4 March 1431. No. 578) // TBMM Zabıt Ceridesi (Turkish Grand National Assembly. Journal of Official Report). Vol. 30. P. 19.

İskan Kanunu. 2510 Sayılı ve 14/06/1934 Tarihli (Settlement Law. No. 2510, under date of 14/06/1934) // *Resmî Gazete (Official Newspaper)*. 21/06/1934. No. 2733.

Kabacalı A. *Türkiye'de Gençlik Hareketleri (Youth Movements in Turkey)*. İstanbul, 2007.

Saraç N. *Alevilerin Siyasal Tarihi 1300–1971 (Political History of the Alevi, 1300–1971)*. İstanbul, 2011.

Taylak Muammer. *Saltanat, II. Meşrutiyet ve I. Cumhuriyet'te öğrenci hareketleri (Student Movements during the Period of Sultanate, the Second Constitutionalist Period and the First Republic)*. Ankara, 1969.

Bozarslan H. *L'Histoire de la Turquie de l'Empire à nos jours. Paris, 2013.*

Bozarslan H. *Why the Armed Struggle? Understanding the Violence in Kurdistan of Turkey* // *The Kurdish Conflict in Turkey*. N. Y.: St. Martin's, 2000. P. 17–18.

Çarçoğlu Ali, Kalaycıoğlu E. *Turkish Democracy Today: Elections, Protest and Stability in an Islamic Society*. L., 2007.

Castells M. *Communication Power*. N. Y., 2009.

Göle N. Gezi – Anatomy of a Public Square Movement // *Insight Turkey*. 2013. 15 (3). P. 7–14

Gorgas J.T. *The Limits of the State: Student Protest in Egypt. Iraq and Turkey, 1948–63* // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2013. Vol. 40. Issue 4. P. 359–377.

Jongerden J. *The Settlement Issue in Turkey and the Kurds: an Analysis of Spatial Policies, Modernity and War*. Leiden, the Netherlands; Boston: Brill, 2007.

Konda. *Gezi Park survey*. Istanbul, 2013. URL: http://konda.com.tr/en/raporlar/KON-DA_Gezi_Report.pdf

McDowall D. *A modern history of the Kurds*. L.; N. Y., 2004.

Social Media and Political Participation Lab Data Report. A Breakout Role for Twitter? The role of social media in the Turkish protests. N. Y., 2013. URL: http://smapp.nyu.edu/reports/turkey_data_report.pdf

Taştan C. *The Gezi Park Protests in Turkey: a Qualitative Field Research* // *Insight Turkey*. 2013. Vol. 15 (3). P. 27–38.

Zürcher E.J. *Turkey: a Modern History*. L.; N. Y., 1998.

Hürriyet Daily News. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/>

Hürriyet, 1997–2015. URL: <http://hurarsiv.hurriyet.com.tr/arsiv/>

Cumhuriyet, 1930–2015. URL: <http://www.cumhuriyetarsivi.com/>

Milliyet, 1950–2015. URL: <http://gazetearsivi.milliyet.com.tr/>

Akşam, 1929–2015. URL: <http://www.aksam.com.tr/>; <http://gazeteler.ankara.edu.tr/>

Ulus, 1920–1954, 1955–1971. URL: <http://gazeteler.ankara.edu.tr/>

Reuters. URL: <http://www.reuters.com/>

The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/>

Сведения об авторе: Шлыков Павел Вячеславович, канд. ист. наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: shlykov@iaas.msu.ru

About the author: